

Пятница, 8 мая 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 723.

Письма актрисы.

I.

Не удивляйся, моя дорогая, моему долгому молчанію и внезапному письму.

Наша поѣздка, начавшаяся на Пасхѣ, привела насъ въ этотъ южный городъ, гдѣ уже все цвѣтеть и гдѣ мы останемся играть все лѣто.

Во время же переездовъ я была въ томъ отупѣломъ настроеніи, которое создается безконечнымъ количествомъ спектаклей, репетицій, зубрежкой ролей, и писать тебѣ не могла.

Но теперь, милостью Божіей и режиссерской, наступилъ для меня перерывъ,—къ тому же на дворѣ весна, милая, юная весна, вызывающая желаніе писать, болтать и, конечно, любить...

Изъ моего окна видно море. Въ его голубыхъ и фіолетовыхъ переливахъ я чувствую страшную манищую силу. Хочется вѣрять въ русалокъ, наяда и фей такъ сильно, что готова въ него броситься сама.

Сейчасъ зайдетъ солнце;—уже оно постепенно погружаетъ свой красный дискъ въ голубую гладь воды.

На моемъ столѣ благоухаютъ гіацинты, въ открытое окно врываются вечерніе звуки большого города, а въ ушахъ звенитъ мотивъ, слышанный съ тобою въ Петербургѣ на спектаклѣ Бетти Стоянгъ.

Помнишь? Они разрываютъ на куски мою душу и со дна ея подымается чудовищная тоска... весенняя тоска... О чемъ? Почему? Точно этотъ вечеръ казнить тебя за одинокую жизнь, за загубленную молодость, за размѣнявшееся дарованіе,—за все то, что мы въ жизни не сдѣлали, не хотѣли, не сумѣли сдѣлать...

О, если бы можно было соткать жизнь изъ голубого эфира, мелодій Шопена, изящныхъ пѣньевъ, звучныхъ словъ.

Если-бъ не душить въ себѣ тѣхъ блѣдныхъ ростковъ, что пробиваются весной изъ-за ледяной коры нашего мефистофеля и если бы видѣть возлѣ себя людей, настоящихъ людей, а не...

Ты хочешь узнать нашу труппу?

Въ ней есть все, что полагается всякой труппѣ.

Наглый и пошлый премьеръ и циничный резонеръ и инженеру, любовница режиссера и лютая комическая старуха и высококобровая грандъ-дамъ и, наконецъ, любовница банкира, принятая по протекціи безъ опредѣленнаго амплуа. У нея лошадиное лицо и нескладная фигура, что не мѣшаетъ ей мнить себя Ермоловой и съ завываніями играть Марію Стюартъ.

Передъ ней уже танцуетъ вся труппа, а она даетъ безъ отдачи деньги въ долгъ, поить режиссера шампанскимъ и говорить избитыя фразы о высокомъ призваніи...

Она всѣ лыстятъ грубо, непрерывно, актеры цѣлуютъ руки, напрашиваются отобѣдать и тутъ же просить взаймы. Словомъ, картина тебѣ знакомая. Есть еще нѣсколько актрисъ и актериковъ-людей загнанныхъ, нуждающихся, голодныхъ... Нечего тебѣ и описывать, что говорится и дѣлается на ренетіціяхъ, рассказывать о плоскихъ шуткахъ и островахъ, о всей этой распущенности и ботемѣ, среди которой я съ своей тоской мечусь сиротливая, одинокая. Конечно, ко мнѣ уже дѣзъ „любовникъ“, уже приставать „резонеръ“, уже ненавидить режиссеръ.

Репертуаръ нашъ все—и „Дни нашей жизни“ и „Амуръ и Ко“ и „Натъ Пинкертонъ“...

Представили нѣсколько меценатовъ изъ публики, знаешь тѣхъ, завсегдатаевъ кулисъ, что на небо поглядываютъ, а по землѣ пошариваютъ.

Они всегда начинаютъ издали, объ искусствѣ (бѣдное искусство!), о загубленной жизни, о томъ, что въ нихъ умеръ великій талантъ и кончаютъ похвалами твоимъ рукамъ, талии, плечамъ, зовутъ ужинать и за виномъ нашептываютъ пошлости. Я начинаю чувствовать, какъ засасываетъ меня эта тина пошлости, какъ я теряю себя.

Но теперь, когда я сижу одна въ своемъ номерѣ, я точно очищаюсь. Я перечитала сборникъ, посвященный Чехову, и его прекрасный духъ коснулся вновь меня, точно бѣлое крыло ангела.

О, есть имена, которыя окрыляютъ, возвышаютъ и омыляютъ меня отъ всего напоснаго, чужого.

Есть идеалы, до которыхъ я не могу подняться, но къ которымъ я могу приблизиться.

Вѣроятно, потому что эти дни я не расходила энергіи для сцены, я чувствую въ себѣ гигантскія силы, чувствую, какъ тяжело бьется кровь въ жилахъ, какъ глубока моя душа. Я вновь нашла себя и отъ этого мнѣ еще хуже.

Раньше меня охватывалъ ужасъ, что поэзія, то есть вся красота и прелесть жизни,—не болѣе какъ изящный вымыселъ.

Но особенно ясно я почувствовала это на сценѣ, гдѣ и декорации, и костюмы, и слова, и люди созданы, чтобы обманывать публику.

Но главное—люди, которые говорятъ слова, чуждыя и непонятныя имъ.